

*О признании Российским правительством
культурно-национальной автономии мусульман тюрко-татар*

ТЕЛЕГРАММА
ГОРОДСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
В ОМСК ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ
И МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

3 апреля 1919 г.

г. Челябинск.

Челябинское городское мусульманское национальное собрание, выслушав доклад своего представителя о вступлении Центрального мусульманского управления в сношение с Российским правительством о признании им культурно-национальной автономии мусульман, провозглашенной тюрко-татарами мусульманами Внутренней России и Сибири, одобряя и поддерживая тактику центрального управления, вполне надеется, что Российское правительство, прислушивающееся к справедливым требованиям и желаниям тюрко-татар России, утвердит и узаконит культурно-национальную автономию мусульман.

Председатель собрания Багаутдинов
Секретарь Бурнаев

Нам И. В. Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Т. I. Сибирь. 1917–1920. Томск : Изд-во ТГУ, 1998. С. 206 [ГАРФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 57. Л. 19. Подлинник. Телеграф. бланк].

*О признании культурно-национальной автономии
мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири*

ТЕЛЕГРАММА
ОТ ИМЕНИ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ МУСУЛЬМАН
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ

5 апреля 1919 г.

г. Новониколаевск.

Национальным управлением мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири возбуждено ходатайство о принципиальном признании культурно-национальной автономии и ее органа в лице Национального управления, составлены докладные записки. Мы, мусульмане в г. Новониколаевске, собрав-

шиеся на общее собрание 4 апреля, всецело присоединяемся к означенному ходатайству и просим о скорейшем рассмотрении возбужденного вопроса, твердо надеемся, что правительство, идя навстречу положению мусульманского населения, разрешит вопрос в положительном смысле.

Присутствующие на собрании
Председатель собрания Бикташев
Секретарь Низамов

Нам И. В. Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Т. I. Сибирь. 1917–1920. Томск : Изд-во ТГУ, 1998. С. 207 [ГАРФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 57. Л. 20–22. Подлинник. Телеграф. бланк].

О признании культурно-национальной автономии мусульман
г. Красноярск

ТЕЛЕГРАММА
КРАСНОЯРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН

7 апреля 1919 г.

г. Красноярск.

Национальное управление доводит до сведения правительства, что мусульмане города Красноярск на собрании своем 6 апреля постановили просить правительство об утверждении и принципиальном признании культурно-национальной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири.

Председатель Косовский

Нам И. В. Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Т. I. Сибирь. 1917–1920. Томск : Изд-во ТГУ, 1998. С. 207 [ГАРФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 57. Л. 31–32. Подлинник. Телеграф. бланк].

Башкиры, ушедшие на восток с армией Колчака, добились признания национального самоуправления и создания отдельных военно-национальных образований во главе с Мухаммед-Габдулхаем Курбангалиевым. Между созданным при поддержке Омского пра-

О признании культурно-национальной автономии мусульман
г. Петропавловска

ТЕЛЕГРАММА
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ МУСУЛЬМАН
ГОРОДА ПЕТРОПАВЛОВСКА

9 апреля 1919 г.

г. Петропавловск.

Заслушав доклад товарища председателя Центрального Национального управления мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири Урманова о переговорах делегации Национального управления с правительством по вопросу о признании культурно-национальной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири и ее органа – Центрального Национального управления, [собрание] всецело одобрило предпринятые делегацией в этом направлении шаги и постановило довести до сведения председателя Совета министров и министра внутренних дел о своей поддержке ходатайства делегации. Мусульмане Петропавловска ни на минуту не сомневаются, что правительство в полной мере удовлетворит скромные и насущные желания мусульманского тюрко-татарского населения России и Сибири.

Попечители: первой мечети – Тюменев,
второй – Заитов, третьей – Бегишев,
четвертой – Абдрашитов, пятой – Маматов,
шестой – Бирюшев

Нам И. В. Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Т. I. Сибирь. 1917–1920. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. С. 208 [ГАРФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 57. Л. 23–24. Подлинник. Телеграф. бланк].

вительства Башкирским национальным управлением и Национальным собранием мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири были острые противоречия. 12 мая 1919 г. М.-Г. Курбангалиев направил на имя Верховного правителя России адмирала Колчака докладную записку, в которой констатировалось прекращение деятельности в Уфе Оренбургского духовного собрания и создание вместо него Национального управления тюрко-татар Внутренней России и Сибири.

28 мая 1919 г. группа Курбангалиева направила докладную записку в Омск на имя Верховного правителя России Колчака, в ко-

О признании культурно-национальной автономии мусульман
г. Екатеринбурга

ТЕЛЕГРАММА
СОБРАНИЯ МУСУЛЬМАН ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ

13 апреля 1919 г.

г. Екатеринбург.

Мусульмане города Екатеринбурга, его окрестностей и заводов на многолюдном собрании своем 11 апреля, выслушав сообщение своего делегата, возвратившегося с конференции в Петропавловске, о возбуждении ходатайства Центрального Национального управления мусульман тюрко-татар о принципиальном признании правительством культурно-национальной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири, постановили присоединиться к ходатайству Центрального управления и довести до сведения правительства, что культурно-национальная автономия была и есть заветная мечта многих поколений многомиллионного мусульманского населения России, твердо стоящего в своей массе на основе государственности и правопорядка.

Председатель собрания Г. Тагиров
Секретарь Н. Хайрутдинов

Нам И. В. Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Т. I. Сибирь. 1917–1920. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. С. 209 [ГАРФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 57. Л. 29–30. Подлинник. Телеграф. бланк].

торой четко обозначила свою позицию: освобождение Башкирии от власти башкирского правительства Валидова, вставшего на путь соглашения с большевиками, и от власти татарского Национального управления мусульман Внутренней России и Сибири. Авторы записки выразили свое опасение в связи с тем, что татары «стремятся вернуть свое господствующее положение над другими народностями мусульманского вероисповедания России (башкирами, киргизами и др.) и тем создать общемусульманскую антигосударственную [оп]позицию на будущее время. <...> По мнению руководителей тюрко-татар, необходимо подготовка почвы для устройства всех мусульман в одном оппозиционном лагере и это облегчит их дело в Учредительном собрании и в международном положении. Главным инициатором и руководителем этой политики является авто-

О принятии мер к невмешательству
Национального управления мусульман тюрко-татар
в дела башкир

203

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА МУХАМЕД-КАЗИЯ КАЗИМУРАТОВА,
МУХАММЕД-ГАБДУЛХАЯ КУРБАНГАЛИЕВА
ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ РОССИИ

12 мая 1919 г.

[г. Челябинск].

[Приложение]

1. В настоящее время не существует Оренбургского магометанского духовного собрания и губернского правления, которые во время царизма ведали делами утверждения и удаления духовных лиц магометан, разрешения открытия новых приходов, новых мечетей, выдачей метрических книг и другими.

2. Существует теперь в Уфе учреждение под названием «Национальное управление тюрко-татар Внутренней России и Сибири», считающее себя автономной единицей, на основании автономии, провозглашенной в Казани в революционное время. Состав этого управления избран национальным меджлисом (Миллят меджлиси) в Уфе, во времена большевиков в Уфе. Управление имеет три отдела: просвещения, финансов и духовное. Заведывающим духовным отделом был избран в декабре 1917 года и сейчас состоит известный пан-тюркист, татарин, казанский мулла Галимжан Галеев, который, к стати сказать, во время царизма отбыл наказание – административную высылку. Цель управления – объединение всех народов тюрко-татарского племени в России и заведывание всеми национально-культурными и духовными делами их. Для объединения всех этих народностей оно стремится к созданию единого тюрко-татарского языка и единой культуры, с помощью которых рассчитывает поглотить и отатарить малокультурные народы этого племени, как-то: башкир, мещеряков, тептярей и киргиз. Планы этого самозванного автономного управления проводятся в жизнь успешно. Оно, не созывая никаких съездов после свержения большевиков, не испрашивая ничьего разрешения и признания его, фактически начинает управлять всеми вышеперечисленными делами. Учреждение это захватило в свои руки всю канцелярию и дела бывшего Оренбургского магометанского духовного собрания в Уфе и издает от себя всевозможные распоряжения и рассылает циркуляры. Духовный отдел печатает метрические книги и раздает их муллам, собирает установленные в прежнее время пошлины. Утверждает духовных лиц в должностях и отстраняет их от таких. Назначает ревизоров (мухтасибов) над муллами, причем эти ревизоры угрожают муллам отстранением от должности

в случае неподчинения их ревизорам и духовному отделу. Отдел просвещения национализировал все земские и министерские начальные школы, назначив в них мугаллимов (учителей) преимущественно из лиц, разделяющих политику отатарения, которые обучают на тюрко-татарском языке, из тюрко-татарских учебников, чем и отатаривают башкир. Все это делается на местах по инициативе татар, заведывающих отделами мусульманского образования при уездной земской управе, за счет земства, с разрешения земского собрания, благодаря неосведомленности гласных с положением дела. Финансовый отдел облагает население национальными налогами, собирает всякие пожертвования, чем и обеспечивает содержание этого революционного управления и производит расходы по агитации среди мусульман, стараясь их слить во взглядах с мусульманами других стран.

Юлдашбаев Б. Х. Национально-государственное устройство Башкортостана. 1917–1925 гг. Сборник документов и материалов. Т. 1. Уфа: Китап, 2002. С. 37.

номно-национальное управление тюрко-татар Внутренней России и Сибири <...>. Мы имеем сведения, что это управление, вопреки протесту башкир, поданному на имя Верховного правителя 9 марта н. ст. с. г., и вопреки распоряжению Верховного правителя, посылает делегатов на местные конференции <...> от имени всех мусульман России (татар, башкир, киргиз и др.)».

В связи с этим Курбангалиев и его сторонники просили «немедленно расформировать революционно-автономное Национальное управление тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Довести до сведения международной мирной конференции, что граждане Исхаков и Мамлеев не являются уполномоченными всех мусульман России, и сообщить, что башкиры протестуют против этого».

Последующее общее поражение и уход остатков Белой армии, в том числе и башкир, в Маньчжурию не примирили стороны, и дальнейшее противостояние можно было наблюдать уже в эмиграции, где оказались тысячи российских мусульман — выходцев из Поволжья, Урала и Сибири.

ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МУСУЛЬМАН СОВЕТСКОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА

Религиозная политика советской власти была выражена рядом законодательных актов. В декабре 1917 г. были приняты декреты ВЦИК и СНК «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния», которые должны были подорвать господствующее положение религии в области семейного права и быта. Церковный брак был объявлен частным делом лиц, вступающих в брак, не влекущим за собой никаких юридических последствий. Следующим законодательным актом в области государственно-религиозных отношений был Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В проекте фигурировало иное название декрета — «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», однако оно не было принято как несоответствующее сути закона об отделении церкви от государства. Отделение предусматривало полное невмешательство государства в дела церкви, таким образом, в его функции не могла входить регламентация деятельности религиозных обществ. Деятельность религиозных обществ подпадала под статьи законодательства, регламентирующие деятельность общественных организаций, артелей, кооперативных организаций, товарищеских объединений. На членов религиозных обществ распространялись все статьи общегражданского и уголовного кодексов РСФСР.

Многие партийные деятели были искренне убеждены в необходимости уважительного отношения к национальным и религиозным обычаям, к особенностям культуры, духовной жизни и быта народов Востока, настаивали на неприменении общего декрета об отделении церкви от государства по отношению к мусульманскому населению. Этого требовала реальная ситуация в мусульманских регионах страны, где ислам играл большую роль в регулировании общественных, семейно-брачных, межличностных отношений. В августе 1918 г. на заседании коллегии Наркомнаца обсуждался доклад Центрального мусульманского комиссариата, в котором было сформулировано

предложение о нераспространении декрета от 23 января 1918 г. на мусульманское население. Однако оно не нашло поддержки, а отдельные положения доклада были резко осуждены.

ПЕРВЫЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ СЪЕЗД В СТРАНЕ СОВЕТОВ

Оренбургское магометанское духовное собрание, пережив революционные потрясения и перевороты 1917–1919 гг., оказалось перед лицом новой политической реальности: власть в стране принадлежит большевикам, большевики — безбожники, религия отделена от государства, школа отделена от религии. Будущее мусульманской уммы России и самого управления — в полной неизвестности.

«Новые условия», в которых оказались мусульмане страны, были ознаменованы последствиями Гражданской войны — разрухой, голодом. Духовная жизнь религиозных, в том числе и мусульманских общин, а также отношения верующих с властями строились на основе формирующегося советского законодательства о религиозных культах.

В 1920 г. духовное ведомство мусульман Внутренней России и Сибири, как и прежде, занимало свою резиденцию в Уфе по улице Тукаевская, 50. Деятельность его в годы Гражданской войны была свернута, муфтий Галимджан Баруди и члены управления заняли выжидательную позицию, постоянно опасаясь санкций со стороны советской власти.

В апреле 1920 г. духовное ведомство мусульман начинает подготовку созыва Всероссийского съезда мусульманского духовенства, намеченного на 1 июня того же года.

Ведомство обращается за разрешением в отдел по делам национальностей Уфимского губисполкома и просит у него содействия «по выдаче властями на местах соответствующих документов и пропусков по водным и железнодорожным путям» для того, чтобы делегаты смогли добраться до Уфы». Губисполком передал ходатайство в Наркомнац, последний — в Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока. Бюро, рассмотрев вопрос, пришло к выводу, что «на основании Декрета об отделении церкви от государства и постановления НКЮст от 30 августа 1918 г. съезд этот

Муфтий Галимджан Баруди

юридическими правами обставлен быть не может, но на основании тех же постановлений съезд этот может быть обставлен как частное собрание группы граждан, исповедующих одну и ту же религию и созванное для обсуждения своих внутренних дел, не выходящих за пределы их компетенции. ...Оказывать же особое содействие ни в коем случае не должно». Решение бюро ушло в Наркомнац, Наркомнац довел его до сведения Уфимского губисполкома 18 июня. Таким образом, духовное ведомство получило разрешение на созыв съезда уже после намечавшихся сроков.

После долгих согласований с Наркомнацем, Наркомюстом и Уфимским губисполкомом 16 сентября 1920 г. в Уфе открылся первый в условиях большевистской России Всероссийский съезд мусульман.

Собравшееся духовенство представляло 7 000 мусульманских приходов России. Работа съезда проходила с 16 по 25 сентября, собравшиеся рассмотрели такие вопросы, как организация приходов и их экономическое положение в новых условиях, выборы районных мухтасибов и их функции, подготовка кадров духовенства, обеспечение мусульман религиозной литературой. Одним из вопросов было ознакомление мусульман с Конституцией РСФСР.

Съезд проходил под контролем губернских властей, мандаты на открытие съезда получили члены отдела по делам национальностей Уфимского губисполкома и ряд сотрудников НКВД, которым поручалось обязательно присутствовать на съезде.

Под председательством муфтия Галимджана Баруди съезд утвердил Центральное духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири преемником Оренбургского магометанского духовного собрания. Одним из докладчиков на съезде был мусульманский богослов Муса Бигиев (1873—1949 гг.). Он ознакомил делегатов со своими предложениями по переустройству мусульманского общества, основные положения его выступления отражены в книге «Азбука ислама», которая была издана в 1923 г. в Берлине.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МУСУЛЬМАН В ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМ ПОВОЛЖЬЯ

В 1920—1923 гг. положение мусульманского духовного управления было крайне сложным. В декабре 1921 г. умер муфтий Галимджан Баруди. После его смерти делами ведомства стал руководить казый Ризаитдин Фахретдинов, который 23 сентября 1920 г. во время Первого мусульманского съезда был повторно избран на эту должность. Ему помогали казыи Кашафутдин Тарджиманов, Абдулла Сулейманов, единственная женщина-казый Мухлиса Буби.

Центральное духовное управление мусульман, мусульманское духовенство России, как и священнослужители всех конфессий, продолжали жить жизнью своего народа, деля с ним все испытания смутного и жестокого времени. Лучшие гражданские качества, истинный патриотизм, гуманизм, жертвенность проявили члены Центрального духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири в 1921—1922 гг. во время массового голода, охватившего Урал и Поволжье.

Для оказания помощи голодающим Поволжья и Урала, а также других регионов страны декретами ВЦИК от 18 июля и 21 июля 1921 при ВЦИК была создана специальная правительственная Центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол). Согласно положению о Помголе, принятому Президиумом ВЦИК 20 октября 1921 г., основными задачами Помгола являлись: выяснение размеров голода, рассмотрение ходатайств о признании голодающими отдельных губерний и уездов, изыскание средств для борьбы с голодом (государственных, общественных, собранных за границей), осуществление декретов ВЦИК об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим, о переселении крестьян из пострадавших районов и т. д. Председателем комиссии был М. И. Калинин, членами назначались руководители наркоматов и ведомств, Центросоюза, ВЦСПС и др. организаций. В автономных республиках, губерниях, уездах, волостях РСФСР были созданы комиссии Помгола при исполкомах Советов. Помголы организовывались при ЦИК Украины, Белоруссии и других республик.

При Центральном духовном управлении мусульман Внутренней России и Сибири была создана комиссия помощи голодающим во главе с казыем Кашшафутдином Тарджимановым. В комиссию входили также В. Тарджиманов и А. Сулейманов — члены духовного ведомства, А. Шамсутдинов — имам московской мечети, А. Фаттахутдинов — издатель. К работе комиссии были привлечены Габдра-

шид Ибрагимов, Губайдулла Буби, Абдулла Хакимов — деятели, известные в области мусульманского просвещения и благотворительности.

Комиссия помощи голодающим при духовном ведомстве обратилась к мусульманам зарубежных стран с просьбой оказать помощь России. Были налажены контакты с послами Турции, Персии, Афганистана, а через них — с общественными благотворительными организациями этих стран, посланы эмиссары комиссии в Сибирь, Семиречье, Китайский Туркестан, Турцию, Латвию, Литву, Эстонию, Финляндию, скандинавские страны. Кроме того, комиссия выпустила обращение к христианскому духовенству стран Запада на французском, английском и немецком языках, подготовила его к печати.

В апреле 1922 г. председатель комиссии К. Тарджиманов вел переговоры с турецким главнокомандующим Кавказского фронта К. Кара-Бекером, который предложил отправить 2 000 голодающих детей татарской, башкирской и киргизской национальностей в Турцию.

Начался сбор пожертвований среди мусульман России. По решению ЦК Помгола средства, собранные комиссией помощи голодающим духовного ведомства, направлялись на оказание помощи в республиках Поволжья и Урала, Казахстана. В Башкирии к деятельности Помгола было привлечено башкирское духовенство, о чем сообщал Башоблпомгол. Специально для поддержки сотрудников Духовного управления сбор хлеба был произведен сибирскими мусульманами в районах Акмолинска, Омска, Семипалатинска, Петропавловска. Часть этого сбора Духовное управление передало голодающим Уфимской губернии.

Работа комиссии находилась под контролем Наркомнаца, который с опаской взирал на развернувшуюся активность мусульманского духовенства. Несмотря на заметный вклад мусульманских религиозных деятелей в оказание помощи голодающим, их заслуги практически не нашли отражения в отечественной литературе и не получили положительной оценки. Критически, как факт приспособления священнослужителей к советской власти, рассматривался и вопрос о передаче церковных ценностей в Помгол православными священниками.

ОМДС В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

С провозглашением курса большевиков на искоренение религии из сознания народа ислам превратился в объект методичной и целенаправленной атеистической обработки. Политика советского правительства в отношении религии и верующего населения СССР четко придерживалась одной и той же атеистической линии с 1918 по 1986 г. Однако религиозная, а точнее антирелигиозная стратегия партийного руководства страны испытала на себе все сложности гражданской и политической истории нашего общества. В ней можно выделить как периоды засилья воинствующего атеизма, так и годы относительной, явно вынужденной терпимости к вере и верующим. В связи с этим во взаимоотношениях церкви и государства четко выделяются довоенный и послевоенный периоды.

В 20–30-е гг. советское правительство предприняло три мощные антирелигиозные кампании, в результате которых к началу Великой Отечественной войны религиозные учреждения практически полностью исчезли, а те, что сохранились, перешли под жесткий контроль властей и были лишены своих прежних прав.

Декрет от 23 января 1918 г. оставил церковь без права юридического лица, объявив все имущество религиозных обществ собственностью народного государства. Культовые здания передавались в пользование религиозным обществам на условиях договора. Деятельность религиозных объединений ограничивалась удовлетворением исключительно религиозных потребностей верующих. Не допускалось преподавание религиозного вероучения.

Однако введение декрета в жизнь требовало времени, а в районах распространения ислама — особого подхода к верующему населению, что отмечалось автором декрета В. Лениным на VIII съезде РКП(б). Среди народов Туркестана, киргизов, казахов, татар, башкир самосознание личности начиналось с религиозной самоидентификации, человек ощущал себя прежде всего мусульманином, и религиозная принадлежность значила больше, чем этническая, не говоря уже о классовой. Ислам был не столько верой, сколько образом жизни многомиллионного мусульманского населения. Новые декреты были направлены именно на разрушение этого образа жизни. Подобное затрагивание религиозных чувств мусульман, тем более их ущемление, могло привести (и приводило) к новому подъему националистического движения. Поэтому наступление на мусульманскую религию осуществлялось поэтапно.

В условиях Гражданской войны, голода и разрухи, стремительного изменения привычной жизни власти были вынуждены проводить гибкую политику по отношению к мусульманскому населению. Перед большевиками стояла задача сломить сопротивление мусульман любой власти, исходящей из русского центра, добиться их симпатий. В. Ленин неоднократно подчеркивал, что весьма важно завоевать доверие трудящихся мусульман, «трижды и четырежды завоевать; доказать, что мы не империалисты, что мы уклана в эту сторону не потерпим». Отсюда тактика признания за мусульманами права на самостоятельное решение своих проблем, аккумулировано выраженная в «Обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Отсюда и некоторые впечатляющие акции в пользу мусульман — возвращение Корана халифа Османа, башни Сююмбике в Казани, здания Караван-сарая в Оренбурге. После подписания в феврале 1918 г. декрета о возвращении Караван-сарая башкирам Наркомнац послал в Оренбургский совет телеграмму: «Просим опубликовать во всеобщее сведение, что по решению Народного Комиссариата по делам национальностей Башкирский народный дом и мечеть под названием «Караван-сарай» в Оренбурге передаются в полное распоряжение башкирского трудового народа в лице областного Совета башкир».

Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока!

Обращение председателя СНК
и Наркома по делам национальностей

24 ноября 1917 г.

Товарищи! Братья!

Великие события происходят в России. Близится конец кровавой войне, начатой из-за дележа чужих стран. Падает господство хищников, поработивших народы мира. Под ударами русской революции трещит старое здание кабалы и рабства. Мир произвола и угнетения доживает последние дни. Рождается новый мир, мир трудящихся и освобождающихся. Во главе этой революции стоит рабочее и крестьянское правительство России, Совет Народных Комиссаров.

Вся Россия усеяна Революционными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Власть в стране в руках народа. Трудовой народ России горит одним желанием добиться честного мира и помочь угнетенным народам мира завоевать себе свободу.

<...>

Перед лицом этих великих событий мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока.

Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы гор и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство! <...>

Товарищи! Братья!

Твердо и решительно идем мы к честному, демократическому миру.

На наших знаменах несем мы освобождение угнетенным народам мира.

Мусульмане России!

Мусульмане Востока!

На этом пути обновления мира мы ждем от вас сочувствия и поддержки.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Народный Комиссар по национальным делам
Джугашвили-Сталин

*Собрание узаконений и распоряжений правительства РСФСР.
1917 г. № 6.*

По признанию секретаря ЦК компартии Узбекистана Акмаля Икрама, «меры, принятые советским государством по отношению к исламу и его организациям, были не уступкой, а тактикой партии». Это никак не относилось к таким государственным деятелям, как М. Султан-Галиев. Он был искренне убежден в необходимости уважительного отношения к национальным и религиозным обычаям, к особенностям культуры, духовной жизни и быта народов Востока. Занимая пост заместителя председателя Центрального мусульманского комиссариата при Наркомнаце, а после смерти М. Вахитова в августе 1918 г. — председателя, М. Султан-Галиев отстаивал идею о неприменении общего декрета об отделении церкви от государства

*О выдаче Краевому мусульманскому съезду
Петроградского национального округа
«Священного Корана Османа»*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК

9 декабря 1917 г.

В Совет Народных Комиссаров поступило отношение от Краевого Мусульманского Съезда Петроградского Национального Округа, в котором, во исполнение чаяния всех российских мусульман, вызванный съезд просит выдать во владение мусульман «Священный Коран Османа», находящийся в настоящее время в Государственной Библиотеке.

Исполнение настоящего постановления Съезд поручает председателю Съезда, товарищу председателя Всероссийского Мусульманского Военного Шуро, Усману Гидаятулличу Токумбетову и члену Национального Парламента Кериму Мухадшичу Сагидову.

Совет Народных Комиссаров постановил немедленно выдать Краевому Мусульманскому Съезду «Священный Коран Османа», находящийся в Государственной Публичной Библиотеке.

Председатель [Совета] Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Управляющий Делами Совета Бонч-Бруевич
Секретарь Н. Горбунов

9 декабря 1917 года.

*Собрание узаконений и распоряжений правительства РСФСР.
1917 г. № 6. Ст. 103.*

по отношению к мусульманскому населению. Этого требовала реальная ситуация в мусульманских регионах страны, где ислам играл большую роль в регулировании общественных, семейно-брачных, межличностных отношений.

Т. Саидбаев пишет, что в Туркестане первоначально принцип отделения церкви от государства и школы от церкви в силу объективных причин не мог осуществляться по отношению к коренному населению. Ислам продолжал регулировать гражданско-правовые отношения, поскольку население не воспринимало принятые решения об отмене судов казыев и биев. Кроме того, еще не были переведены на местные языки новые юридические документы, у сотрудников ЗАГСов не было опыта работы среди коренного населения, да и сотрудниками их являлись только мужчины, а с ними женщины не могли общаться.

Об условиях допущения мулл к учительству
и финансирования мусульманских курсов в Оренбурге

ЖУРНАЛ № 18
ЗАСЕДАНИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕЗИДИУМА
ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА Б<...> С<...> Р<...>

15, 23 октября 1919 г.

Слушали: I. Доклад народного комиссариата по просвещению от 15–Х–19 об оказании финансовой помощи существующим в г. Оренбурге 3-голичным мусульманским курсам и об отводе им помещения в Караван-Сарае.

Постановили: I. а) вопрос об отводе помещения в Караван-Сарае отклонить ввиду занятия его представительством БСР, войсковыми частями и

б) финансовую помощь оказать при принятии администрацией школы нижеследующих условий:

а) Введение в программу курсов нижеследующих предметов:

- 1) социологии,
- 2) истории революционного движения,
- 3) конституции Советов.

б) Учительский персонал должен быть заменен революционным элементом.

Наркомпросу БСР запросить Оренбургский губернский отдел народного образования об утверждении положения, предметах преподавания и смет курсов.

ЦИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 88. Л. 20. Подлинник.

За 1919 г. ЗАГСами Закаспийской области был зарегистрирован всего 431 акт, в том числе 211 браков и 21 развод. Таким образом, реально функционирующими источниками права оставались шариат и адат. В связи с этим были выработаны особые меры по отношению к исламу в Средней Азии. Постановление ЦК РКП(б) «О Туркестанско-Бухарских делах» от 18 мая 1922 г. предусматривало возвращение вакуфных земель бывшим владельцам, то есть религиозным учреждениям — мечетям и медресе, и восстановление местных судов — казыйских и бийских. При Наркомпросе Туркестана было создано Главное вакуфное управление. В конституциях Бухарской и Хорезмской народных советских республик провозглашалась свобода совести, но не содержалось упоминания об отделении церкви от государства.

Однако по отношению к мусульманам Внутренней России политика центра была иной. В августе 1918 г. на заседании Коллегии Наркомнаца обсуждался доклад Центрального мусульманского комиссариата, в котором было сформулировано предложение о нераспространении декрета от 23 января 1918 г. на мусульманское население. Оно не нашло поддержки, а отдельные положения доклада были резко осуждены. Заместитель народного комиссара по делам национальностей Пестковский информировал об этом В. Ленина:

«Обсудив вопрос детально, Коллегия нашла, что предлагаемое Центральным Мусульманским комиссариатом постановление является вообще неприемлемым. ...Во-первых, указание в пункте первом доклада на сильное развитие религиозного чувства среди мусульманского населения в полной, а часто и в большей мере, относится к другим национальностям, населяющим Россию.

Во-вторых, предоставление права устройства особых регистраций для каждой национальности в отдельности приведет к бесконечным осложнениям и неудобствам на местах, весьма вредно отразится на общегосударственной статистике и сведет совершенно на нет декрет об отделении церкви от государства.

Принимая во внимание все вышесказанное, коллегия предлагает вместо издания отдельного декрета по отношению только к мусульманскому населению внести следующие дополнения к декрету об отделении церкви от государства:

1. В местностях, населенных различными национальностями, метрикация браков, рождений и смертей должна производиться в гражданских отделах, при Совдепах при участии представителей от соответствующих национальных комиссариатов и их отделов на местах.

2. Для безболезненного проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства Народному комиссариату по делам национальностей с соответствующим комиссариатом предоставить право в каждом отдельном случае издавать постановления о формах проведения этого декрета.

Кроме того, коллегия ввиду существования при Народном комиссариате по делам национальностей других национальных отделов, представляющих также мусульманское население (киргизы, горцы Кавказа и др.), существующих совершенно независимо от Центрального мусульманского комиссариата, находит, что компетенция последнего может распространяться только на поволжских татар».

Известно, что попытки М. Султан-Галиева на практике соединить коммунизм с действительностью мусульманского Востока, осуждение политики центра по отношению к национальным регионам как великодержавной и шовинистической закончились отстранением его от всех должностей и арестом в 1923 г. В отношениях центра и мусульманских республик Внутренней России, власти и ислама возобладали авторитарный централизм и бюрократическое насилие. Государство твердо придерживалось курса жесткой секуляризационной политики по отношению ко всем религиозным объединениям, без деления их на конфессии, без учета каких-либо особенностей национальных территорий.

Значительно ухудшил положение верующих и религиозных учреждений декрет СНК РСФСР о регистрации религиозных обществ от 8 февраля 1923 г., который по сути нарушал закон от 23 января 1918 г., предусматривающий невмешательство государства в дела церкви.

В целом религиозное законодательство вызвало массовое недовольство со стороны верующего, и особенно мусульманского населения. Правительство получило огромное количество жалоб, ходатайств, предложений по устройству духовной жизни мусульманского населения. Для урегулирования взаимоотношений с верующими мусульманами при Наркомнаце была сформирована Комиссия по изучению различных религиозных течений среди мусульманского духовенства, которая занялась рассмотрением жалоб и обращений. В компетенцию комиссии входили вопросы, связанные с проведением религиозных праздников, выездом мусульманских паломников в Мекку. Уже в этот период паломничество было затруднено. Отдельные члены комиссии были склонны разрешать выезд мусульман на общих для всех граждан РСФСР основаниях, но вместе с тем высказывались опасения, что паломничество может «быть использовано Антантой в смысле агитации против советской власти». Член комиссии Атнагулов, например, был категорически против паломничества, в связи с тем что оно представляет собой «сборище всемирной мусульманской буржуазии, как бы мусульманский буржуазный парламент». В конце концов паломничество было разрешено с предварительным взиманием налога с паломников, который должен был стать «культурно-просветительским фондом мусульман».

Чаще всего в комиссию обращались с вопросом о возобновлении преподавания мусульманского вероучения. Для его решения 16 февраля 1923 г. была учреждена межведомственная (Наркомнац, Наркомпрос, НКВД, НКЮст) комиссия, куда вошел и М. Султан-Галиев.

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ СЪЕЗДА МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА В 1923 Г.

Духовенство понимало, что для решения многочисленных проблем российского мусульманства необходимо было созвать общероссийский съезд и определить статус мусульман и ислама в целом в советской России. После смерти муфтия Галимджана Баруди (6 декабря 1921 г.) духовное ведомство мусульман Внутренней России переживало сложный период безвластия. Делами Духовного собрания ведал Ризаитдин Фахретдинов, еще не избранный муфтием.

Именно ему пришлось принять на себя всю ответственность за судьбу российского мусульманства, строить отношения ведомства с советской властью, решать вопросы паломничества, добиваться разрешения на проведение общероссийского мусульманского съезда в 1923 г. Для разъяснения истории и современного положения ислама в России Р. Фахретдиновым была подготовлена историческая справка, направленная 26 марта 1923 г. в Президиум ВЦИК.

Записка Ризы Фахретдинова свидетельствует о том, что ее автор отчетливо понимал все проблемы российского ислама и готов был предложить власти пути их решения: «...считая себя обязанным представить высшему учреждению государства все ориентировочные материалы, необходимые для разрешения весьма жгучих для Российского мусульманства вопросов, Центральное духовное управление мусульман позволяет себе в мотивировочной части нижеизложенной записки затронуть как догматическую сторону ислама, так и историю развития мусульманских духовных учреждений в России».

Риза Фахретдинов не только подчеркивает полную лояльность мусульман по отношению к советской власти, но и старается убедить власть в том, что у мусульман и советской власти общий враг — империализм: «Все мусульманское население Востока, — пишет муфтий, — находясь в продолжение нескольких веков под политическим и экономическим гнетом империалистических государств, жаждет освободиться от этого гнета. Поэтому вполне естественно тяготение мусульман к советскому правительству рабоче-крестьянской Российской республики, единственному в мире провозгласившему свободу, равенство и право всех наций на самоопределение. Если для советского правительства важно сломить мировой империализм, то это важно и для политического и экономического освобождения мусульманских народностей Востока. Наши враги и фронт общие».

Одной из первоочередных задач была задача сохранения системы передачи религиозных знаний и преподавания мусульманского вероучения. Добиваясь от советской власти разрешения на преподавание основ вероучения, Риза Фахретдинов пытается вызвать сочувствие к мусульманам, подчеркивая низкий уровень экономического и культурного развития мусульманских народов страны. «Мусульмане, — пишет он, — находившиеся под гнетом самодержавия и постоянно переживавшие голодовки, в экономическом и культурном отношении стоят ниже христиан. Поэтому ни сами обучать религии, ни приглашать отдельно для каждой семьи преподавателя религии мусульмане не могут. Отсюда вывод: запрещение групповых занятий по изучению религии равносильно для мусульман категорическому запрещению вероучения».

*Докладная записка Ризаитдина Фахретдинова
в Президиум ВЦИК*

26 марта 1923 г.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МУСУЛЬМАН ВНУТРЕННЕЙ РОССИИ И СИБИРИ

26 марта 1923 г.

№ 1286

г. УФА, ТУКАЕВСКАЯ ул. Д. № 50

В ПРЕЗИДИУМ
ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ

<...>

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Во время нахождения члена Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета т. Смидовича в Уфе мусульманское духовенство в лице Центрального Духовного управления мусульман обратилось к нему за разрешением ряда вопросов, касающихся преподавания вероучения, положения Духовного управления и проч.

Тов. Смидович, считая, что эти вопросы требуют для своего разрешения специального постановления ВЦИК, предложил Центральному Духовному управлению мусульман войти в Президиум ВЦИК с докладной запиской по этим вопросам. При этом он указал, что в этой докладной записке следовало бы выявить, в какой мере помянутые выше вопросы связаны с догматической стороной ислама и в каком направлении догматическое учение

мусульман может действовать на формирование политической мысли верующих.

Следуя этим указаниям и считая себя обязанным представить высшему учреждению государства все ориентировочные материалы, необходимые для разрешения весьма жгучих для Российского мусульманства вопросов, Центральное Духовное управление мусульман позволяет себе в мотивировочной части нижеизложенной записки затронуть как догматическую сторону ислама, так и историю развития мусульманских духовных учреждений в России.

І. ВЗГЛЯД ИСЛАМА НА ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ

Учение Ислама возникло среди свободолюбивых племен Аравии. Принципы ислама: равенство, справедливость, братство, гуманность и стремление к знанию. По учению Ислама люди в продолжении своей жизни должны изучать науки и духовно совершенствоваться.

В первое время своего возникновения форма правления мусульманских государств была очень близкой к республиканской, отличаясь от последней тем, что халифы избирались на неопределенный срок времени. По учению Ислама государственные дела должны решаться совещанием. Об этом в Коране говорится: «Бо амрухум шуру байнахум», в переводе: «Послушные господину своему мусульмане решают общественные и государственные дела свои по совещанию между собой» (Коран, гл. 42, ст. 36). Народности, исповедующие религию с такими принципами, никогда и ни в одном государстве не могли и не могут быть сторонниками автократии или правления немногих.

Правда, по прошествии некоторого периода времени в мире Ислама управление на началах совещания исчезает и появляется монархический образ правления. Но это происходит независимо от Ислама и вопреки ему: под влиянием могущественнейших с высокой культурой монархических государств – Византии и Персии, вошедших в состав тогдашнего мусульманского государства. Корифеи учения Ислама и проповедники этого учения были не согласны с этим новшеством и всегда протестовали против него.

ІІ. МУСУЛЬМАНЕ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

Тюркские племена, жившие по Поволжью и Уралу тысячу лет тому назад, в 922 году торжественно приняли учение Ислама. Эти тюркские народности не испытывали сильных влияний со стороны монархических государств. Поэтому жили и управлялись по своим обычаям, решая все вопросы на народных собраниях (курултай). Так продолжалось и по принятии ими Ислама. Под влиянием учения Корана в Булгарском государстве (впоследствии

Золотая Орда и Казанское царство) стали развиваться культура и просвещение. Мусульманские государства Поволжья и Урала давали всем народам, вошедшим в состав этих государств, полную свободу религии, и главы различных религиозных учений находились под покровительством государства. Проявляя такую религиозную терпимость и гуманность, мусульманское государство руководствовалось предписанием Корана: «Ла икроха фитдин», в переводе: «В религии нет принуждений» (Коран, гл. 2, ст. 257). Поэтому ожидание потомками этих народов от правителей свободы для своей религии и гуманного, терпимого отношения к ней весьма естественно.

III. МУСУЛЬМАНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ УПРАВЛЕНИЯ

Тюркские народности Поволжья и Урала по принятии Ислама организовали свое духовное управление с должностями: муфтия, казыев, мулл, муэдзинов. Такая форма организации духовного управления существовала и по покорении их Иваном Грозным. Русские цари, нетерпимо относившиеся ко всем нехристианским религиям, совершенно уничтожили духовное управление и разрушили молитвенные дома. В 1645 г. по повелению русского царя Алексея Михайловича все мечети, уцелевшие от погрома Ивана Грозного, все экземпляры Корана и др[угие] книги, излагающие учение Ислама, были сожжены самым беспощадным образом. Власти, чтобы угодить царю, постарались сжечь даже рукописи. Этим объясняют ученые-историки исчезновение рукописей, имевшихся до покорения Казани у мусульманских народов Поволжья. Несмотря на такое притеснение и угнетение, мусульмане Поволжья и Урала полностью сохранили свою религию и свою духовную организацию, хотя и в нелегальной – подпольной форме. Народ же сделался еще более религиозным.

IV. ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИКИ РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К МУСУЛЬМАНСКОЙ РЕЛИГИИ

К 1757 г. Россия, хотя и победила Турцию, но в экономическом отношении пришла в такое расстройство, что поднять свое экономическое благосостояние могла лишь одним путем – развитием торговых отношений с народами Востока – киргизами, Туркестаном и Бухарой. В это время происходили брожения среди киргиз из-за религиозных притеснений и киргизы собирались даже переселиться в Китай, Джунгарию.

Ввиду такого положения Екатерина Вторая и русские политические деятели того времени по необходимости должны были изменить политику по отношению к мусульманской религии – дать ей некоторые права, чтобы вызвать симпатию со стороны мусульман. Так, в 1782 г. Екатерина Вторая на казенные средства строит мечети в Уфимской, Тобольской губ[ерниях] и в Оренбурге открывает на казенные же средства мусульманскую религиозную

школу на 60 человек. Далее, в 1787 г. Екатерина Вторая разрешает мусульманам создать мусульманское Духовное управление как официальное учреждение в г. Уфе. В этом же году разрешается правительством и печатание Корана. Эти меры остановили переселение киргиз в Китай и дали возможность России завязать торговые сношения с мусульманами Востока. Мусульмане Поволжья и Урала, получив некоторые права в отношении вероисповедном, стали строить мечети, открывать мектебе и медресе на свои средства. Здесь кроме религии обучали и грамоте. Медресе выпускали служителей религии и преподавателей мектебе. Однако во все время своего существования медресе и мектебе всегда находились под всяческим притеснением и надзором инспекторов-миссионеров. И несмотря на это, духовные медресе сыграли крупную роль в истории культуры мусульманских народностей. Воспитанники их являются создателями татаро-башкирской литературы. В 1905 году они в лице прогрессивного духовенства приняли большое участие в революционном движении мусульманских масс. С 1907 по 1911 г., во время господства сильной реакции в России, многие муллы за участие в революционном движении были отстранены от должности мулл, заключены в тюрьмы и сосланы в ссылку.

V. МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Русское правительство, ведя обрусительную политику [в отношении] инородцев России, постоянно наталкивалось на противодействие мусульманского духовенства и, естественно, притесняло его всеми мерами.

Единственной опорой мусульманского духовенства была народная масса; духовенство, тесно сплотившись с народом, обучало его религии, грамоте и всегда утешало его в трудные дни. Оно ставится самим народом. Все мусульманские служители религии всегда выбирались верующими и были ответственны перед ними. Они определенного жалованья не получают. За исполнение же духовных обрядов население дает им, в строго добровольном порядке, кто сколько может. Сельское духовенство занимается обычным крестьянским хозяйством.

Одним из волнующих и вызывающих неудовольствие у мусульманского населения вопросов был вопрос о назначении муфтия и казыев. Их назначало русское правительство. Мусульмане постоянно протестовали против этого, требовали разрешения выбирать муфтия и казыев и, вместе с этим, отделения церкви от государства.

Христианская религия по закону русского самодержавия считалась господствующей в России. Мусульманская же не только не пользовалась какими-либо привилегиями, но даже была поставлена под специальный надзор христианских миссионеров.

Так, напр[имер], без согласия архиерея губернское правление не разрешало строить мечети, по требованию миссионеров многие напечатанные мусульманские духовные книги конфисковывались, а писатели их предавались суду.

После падения русского самодержавия в 1917 г., в мае месяце на Всероссийском мусульманском съезде было постановлено отстранить назначенных правительством муфтия и казыев, а вместо них выбрать новых лиц на эти должности. Таким образом, на этом съезде было введено выборное начало [в отношении] членов мусульманского Духовного управления (муфтия, казыев). В 1920 г. на мусульманском съезде в Уфе состоялись выборы членов мусульманского Духовного управления, и опять выбраны те же лица.

VI. МУСУЛЬМАНЕ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Все мусульманское население Востока, находясь в продолжение нескольких веков под политическим и экономическим гнетом империалистических государств, жаждет освободиться от этого гнета. Поэтому вполне естественно тяготение мусульман к советскому правительству рабоче-крестьянской Российской республики, единственному в мире провозгласившему свободу, равенство и право всех наций на самоопределение. Если для советского правительства важно сломить мировой империализм, то это важно и для политического и экономического освобождения мусульманских народностей Востока. Наши враги и фронт общие.

Мусульмане и мусульманское духовенство РСФСР признают, что советская власть в продолжение своего пятилетнего существования вела и продолжает вести политику по осуществлению своих провозглашенных лозунгов.

Мусульманское Духовное управление с первых дней революции служит водворению необходимого спокойствия среди мусульманского населения и призывает его к доброжелательному отношению к советской власти рабочих и крестьян. Одним из главных доказательств к сказанному является то, что во время колчаковщины и налета белогвардейских банд мусульманское Духовное управление никуда не эвакуировалось, тогда как все другие учреждения оставили Уфу. Мусульмане и в особенности мусульманское духовенство встретили с большой радостью и восторгом декрет советской власти об отделении церкви от государства, глубоко веря, что учение Ислама и его служители навсегда освободились от притеснения правительства и высших сословий.

В настоящем параграфе этого доклада мусульманское Духовное управление находит необходимым выразить свою полную лояльность к советской власти.

VII. МУСУЛЬМАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИИ

Мусульмане Поволжья и Урала большей своей частью состоят из крестьян и пролетариата. Они с большим сочувствием встретили экономическую и социальную политику советской власти и открытой грудью шли ее защищать. Тем большей неожиданностью явились для них циркуляры Наркомюста и Наркомпроса, воспрещающие до 18-летнего возраста обучать детей религии в мектебах и мечетях. Они больно больше [больно] ударили по религиозным убеждениям мусульманского населения, испытывавшего в продолжение нескольких веков религиозные гонения и так сочувственно встретившего декрет советской власти об отделении церкви от государства. Мусульманские народности усмотрели в этом притеснение вероисповедного характера.

По повелению Ислама все мусульмане должны обучать своих детей мусульманской религии. По этому поводу мучжтахиды (ученые-исследователи Ислама) дают стихам Корана такое толкование: «Все верующие мусульмане должны обучать религии своих детей» (Коран, гл. 66, ст. 6). Об этом в книге Хадисов (изречения пророка) Абу-Даут, т. I, стр. 78, сам пророк Магомет повелевает мусульманам, чтобы их дети – более развитые – исполняли некоторые обязанности Ислама с 7-летнего возраста. Поэтому мусульмане считают, что не обучать детей школьного возраста религии – это значит нарушить заповеди Магомета.

Мы, мусульманские богословы, с[о] своей стороны смеем уверить, что обучение нашей религии не является отравой, если ее преподавание поставлено правильно. Правильная же постановка требует легализации групповых занятий.

Мусульмане как побежденные народности, находившиеся под гнетом самодержавия и постоянно переживавшие голодовки, в экономическом и культурном отношении стоят ниже христиан. Поэтому ни сами обучать религии, ни приглашать отдельно для каждой семьи преподавателя религии мусульмане не могут. Отсюда вывод: запрещение групповых занятий по изучению религии равносильно для мусульман категорическому запрещению вероучения.

Ввиду вышеизложенного мусульманское Духовное управление просит Президиум Всероссийского исполнительного комитета разрешить детям школьного возраста моложе 18 лет обучать группами в мектебах и мечетях и общегражданских школьных зданиях во внеурочное время мусульманской религии.

Председатель Центрального Духовного управления мусульман
Внутренней России и Сибири Фахретдинов
Член коллегии зампредседателя Тарджиманов

С подлинным верно:

Зам. председателя Центр[ального] Духов[ного] управления му-
сульман (подпись)

Весной 1923 г. Духовное управление обратилось в правительство за разрешением созыва съезда, и 13 апреля коллегия Наркомнаца вынесла постановление: «1. Не возражать против съезда мусульманского духовенства в Уфе. 2. Не возражать против приглашения на съезд представителя мусульманского духовенства окраин. 3. Предварительное разрешение всех вопросов, связанных с созывом и проведением съезда, возложить на Комиссию в составе: т. Султан-Галиева, Гисматуллина и Тюрякулова, под председательством последнего».

Съезд проходил с 10 по 21 июня 1923 г. в Уфе. На нем присутствовало около 3 тыс. человек. Почетным председателем был Риза Фахретдинов, которого в первый же день съезда единогласно избрали муфтием, председателем Духовного управления мусульман РСФСР.

На съезде был заслушан доклад председателя комиссии помощи голодающим К. Тарджиманова. Высоко оценив деятельность комиссии, делегаты направили в адрес М. Калинина телеграмму:

«Всероссийский съезд мусульманского духовенства и представителей приходов, заслушав доклад председателя мусульманского духовного Помгола казья Тарджиманова, единогласно постановил послать приветствие и выразить признательность и восхищение ЦИКПомголу, который с честью и доблестью исполнил в тяжелые исторические мучительные дни свою героическую незабвенную работу при самых ужасных невыносимых условиях разгула беспощадного голода и эпидемических заболеваний».

Также от имени съезда была направлена телеграмма Льву Троцкому с приветствием «великого вождя Красной армии» и призывами мусульман оказывать помощь «Красному Воздушному Флоту и к защите первой в мире республике труда от врагов».

Съезд принял резолюции по вопросу об отношении к советской власти и ее врагам, об отношении к советской школе, о преподавании религии. Было принято также «Обращение к братьям-мусульманам, живущим в разных частях земного шара».

Съезд настойчиво проводил линию на восстановление основ мусульманского образа жизни и мышления, защиту культурных и социальных интересов мусульманских народов России.

Документы, принятые на съезде, свидетельствовали о лояльности мусульманского духовенства и руководителей Духовного управления к советской власти и готовности сотрудничать с ней в решении социально-экономических проблем страны. Все выступления на съезде, особенно приветственные телеграммы Ленину,

*Муфтий
Ризаитдин Фахретдинов*

Сталину, Троцкому и Калинин, были проникнуты духом принятия социалистической революции. Вместе с тем съезд настойчиво проводил линию на восстановление основ мусульманского образа жизни и мышления, защиту культурных и социальных интересов мусульманских народов России. Руководство съезда шло буквально по острию ножа, лавируя между необходимостью подчинения Советам и защитой интересов мусульман. Характерны в этом отношении две резолюции по вопросам образования. Одна — об отношении к советской школе — в витиеватых выражениях приветствовала всеобщее обязательное обучение, в том числе женское, единую трудовую школу, подчеркивала необходимость всех отраслей науки. Другая — о преподавании религии — настаивала на требовании восстановить преподавание основ мусульманского вероучения в религиозных школах.

На съезде проявилась протурецкая ориентация российского мусульманского социума. Искренне заинтересованные в независимости халифата от светской власти, делегаты направили приветственную телеграмму Великому национальному собранию Турции, в которой одобрили отделение халифата от султаната и избрание новым халифом Абдулмаджида. Тем самым съезд как бы констатировал следующее положение: верующие мусульмане СССР в политическом и социально-правовом отношении подчиняются власти Советов, а в духовно-религиозных вопросах — халифу, заместителю Пророка, он был для них законным защитником интересов мусульман всего мира.

Желая сохранить спокойствие среди многомиллионного мусульманского населения, правительство было вынуждено пойти на встречу решениям съезда, в частности на некоторые уступки в вопросе преподавания религии. После длительного и всестороннего обсуждения в октябре 1923 г. было разрешено преподавать основы мусульманского вероучения в воскресных школах.

ВЦИК информировал уполномоченного Всероссийского мусульманского съезда о том, что «поднятый на съезде вопрос о разрешении мусульманского вероучения хотя и вызвал среди членов ВЦИК большие споры, но в конце концов получил принципиальное решение в благоприятном смысле. Однако при выработке инструкции для проведения решения в жизнь возникли разногласия, которые решено передать на обсуждение органам местной власти». Наркомнац разослал разъяснение к решению ВЦИК, в нем говорилось о недопустимости, с одной стороны, репрессий в отношении мулл, с другой — разрешения обучения исламу в советских школах.

ДЕКРЕТ ВЦИК И СНК

Октябрь 1923 г.

1. Разрешить в пределах Туркестанской, Киргизской республик и автономных единиц Кавказа со включением его частей с мусульманским населением открытие частных школ для преподавания мусульманского вероучения лицам, достигшим совершеннолетия по шариату (блугат).

2. Допустить в Татарской, Башкирской и Крымской автономных республиках, а также остальных частях СССР с мусульманским населением организацию группового преподавания того же вероучения вне стен общеобразовательных школ и курсов (в мечетях и частных домах) лицам, достигшим совершеннолетия по шариату (блугат) и имеющим, кроме того, образование в объеме не менее трех отделений (классов) школы 1-й ступени.

3. Предусмотренное предыдущими пунктами преподавание не может производиться в часы, обычные для занятия в общеобразовательных школах.

ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 207. Л. 184. Машинопис. копия.

Подчеркивалось, что богословские школы могут быть устроены в мечетях, на дому за счет добровольных частных пожертвований. Обучаться в них могут лица, достигшие 18 лет.

Разрешение преподавания мусульманского вероучения в школах при мечетях было последней уступкой в религиозном вопросе со стороны властей. Принятый в дальнейшем ряд подзаконных актов и инструкций свел на нет возможность реализации постановления ВЦИК и СНК СССР.

Особое негодование вызвало у верующих распоряжение НКВД от 23 декабря 1924 г., ограничивающее выполнение постановления ВЦИК о преподавании религиозного вероучения. НКВД разрешало преподавание мусульманского вероучения только в стенах мечетей и только в дни, свободные от занятий в советской школе, тогда как постановление ВЦИК вело речь просто о времени, свободном от занятий в советской школе. К моменту выхода постановления об ограничении преподавания религиозного вероучения на территории Башкирии действовало 125 религиозных школ с числом обучающихся 2 328 человек по линии ЦДУМ и 70 школ с 1 500 учащимися по линии Башкирского духовного управления. Вновь были открыты школы при Верхне-Исетской мечети

(г. Свердловск, ул. Допризывников), при мечетях в Миассе, Златоусте и других населенных пунктах Уральской области.

Центральное духовное управление мусульман России планировало созвать в Уфе в мае 1926 г. Третий Всероссийский мусульманский съезд. Однако именно в это время часть состава духовного управления во главе с муфтием Фахретдиновым выехала в Мекку на Всемирный конгресс мусульман, созванный турецким султаном Абдул-Азизом, распространявшим свою власть и на Хиджаз.

Съезд был перенесен на сентябрь. После длительных переговоров с властями было получено разрешение на проведение съезда в период с 26 октября по 4 ноября 1926 г. В последний день съезда, 4 ноября 1926 г., состоялись выборы муфтия на новый срок. Им вновь стал Ризаитдин Фахретдинов, за которого проголосовали 350 делегатов съезда. Против было подано 36 голосов.

*Выпускники медресе Галия,
1917 г.*

СУДЬБЫ ЦДУМ И МУФТИЕВ В ЭПОХУ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Администрирование духовной жизни мусульман

В 1923–1924 гг. была проведена массовая регистрация религиозных общин, сопровождавшаяся учетом материальных ценностей церквей, мечетей, монастырей, всего церковного (их) имущества.

В те же годы издаются циркуляры НКВД и НКЮст, объявляющие церковь поднадзорной органам внутренних дел (циркуляры НКВД РСФСР от 7 апреля и 18 сентября 1924 г.), регламентирующие доходы служителей культа (инструкция НКВД и НКЮст от 16 апреля и 19 июля 1923 г.), ограничивающие религиозное образование (постановление НКПроса от 27 сентября 1924 г. и дополнение к нему от 23 декабря 1924 г., сделанное НКВД). Церковь становится не столько отделенной от государства, сколько поднадзорной властям, что вызывает резкое сопротивление мусульманского духовенства и самих верующих.

В 1922 г. отдел по делам национальностей Уфимского губисполкома затребовал от Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири справку о количестве мусульманских приходов на территории Уфимской губернии. 27 марта, то есть накануне Декрета ВЦИК «О расширении границ Башкирской АССР», Р. Фахретдинов подготовил эту справку, согласно которой на территории БАССР в апреле 1922 г. находилось 2 085 мусульманских приходов.

Всего в России на учете духовного ведомства находилось более 13 тыс. мусульманских приходов. Все они подлежали перерегистрации.

Для прохождения регистрации необходим был протокол общего собрания верующих с решением о регистрации религиозного объединения, список верующих, подписи присутствующих на собрании, утвержденный устав религиозного общества, акт пожарно-технической экспертизы культового здания. В деле каждого прихода должно было быть заявление с перечнем прилагаемых документов.

Требование акта пожарно-технической экспертизы культовых зданий затрудняло положительное решение вопроса о регистрации.

*Заявление о регистрации религиозной общины
уфимской мечети I мусульманского прихода*

от 20 июля 1923 г.

В Отдел Управления Уфимского горисполкома Уполномоченного группы верующих мусульманской религиозной общины Первой мусульманской соборной мечети города Уфы

Заявление

На основании инструкций, объявленных в «Известиях ВЦИК» от 27 апреля и 10 мая 1923 г. за № 92 и 102 прошу зарегистрировать мусульманскую религиозную общину при I мусульманской соборной мечети г. Уфы. При сем прилагаются все требуемые документы, а именно:

- 1/ Заявление о регистрации в 3 экз.
- 2/ Три выписки из протокола общего собрания прихожан от 17 июля 1923 г.
- 3/ Устав общины согласно утвержденной форме в 3 экз.
- 4/ Список членов общины по установленной форме в 3 экз.
- 5/ Список членов Приходского Совета в 3 экз.
- 6/ Список служителей и других ответственных лиц в 3 экз.
- 7/ Гербовый сбор на 60 рублей.

Уполномоченный общины при Первой соборной мечети
Р. Чанышев

Многие из них сильно пострадали в годы войны и революции, и «отсутствие подходящего помещения» разом делало невозможным регистрацию общины верующих и ее легальное существование. Все же большая часть общин была восстановлена и зарегистрирована, а верующие и духовенство послушно внесли себя в списки приходов.

Регистрации подлежали как Духовное управление мусульман, так и все его религиозные общины. Опубликованный в 1925 г. Устав духовной организации мусульман Российской Советской Федеративной Социалистической Республики имеет соответствующую отметку: «Настоящий устав утвержден Народн. Комис. Внут. Дел 30 Ноября 1923 г. Зам. Наркомвнудел Хлопьянкин. Н[ачальни] к [Центрального] адм[инистративного] управления Сергиевский». Устав Башкирского мусульманского духовного управления также имеет штамп БашНКВД от 9 июня 1924 г.

Уфа являлась в те годы крупным мусульманским центром. Здесь находились два духовных управления мусульман — центральное и Башкирской АССР. После регистрации религиозных общин по данным на 1927 г. на территории Башкирии насчитывалось 2 414 мусульманских мечетей и такое же количество мулл. В Уфе в 1923 г. было зарегистрировано 7 мусульманских приходов, 6 из них имели мечети, 7-й приход — в своем распоряжении молебельный дом и разрешение на строительство мечети.

Фискальный характер переписи проявился не сразу, поэтому занесение себя в списки прихожанами воспринималось без страха. Р. Фахретдинов интуитивно высказался о недопустимости составления приходских списков, учитывая возможность «недоразумения на местах при составлении списков неудачной формой опроса... могущей показаться обидной или унижительной для опрашиваемого». Разумеется, это высказывание не было учтено.

Сильные затруднения испытывали служители культа в связи с распространением на них сельхозналога, а также налога на доходы от религиозной деятельности. Со священнослужителей было снято освобождение от воинской обязанности.

Члены ЦДУМ, 1926 г.

Распоряжения НКВД и НКЮст 1923–1924 гг. активизировали недовольство духовенства, с этого времени оно усиливает свою пропагандистскую деятельность среди верующих. В 1925–1927 гг. по всей стране проходят мусульманские сходы, на которых верующие и мусульманское духовенство выражают недовольство ущемлением свободы совести и своих прав и формулируют следующие требования:

- приравнять в правовом отношении всех духовных лиц к остальным гражданам;
- детей духовенства принимать в государственные учебные заведения наравне с другими гражданами;
- отменить подоходный налог с духовенства;
- не вмешиваться в духовные дела верующих, «как это делается в данное время вопреки декрету» (имеется в виду декрет от 23 января 1918 г.);
- отменить национализацию зданий мечетей, мектебов, а также всего их имущества;
- предоставить полную свободу вероучения, не ограничивая ни во времени, ни в месте обучения;
- прекратить антирелигиозную пропаганду на собраниях, в прессе, в общественных местах;
- обряды венчания, рождения, разводов и прочее передать в ведение представителей культов, не облагая их при этом налогом;
- отменить взимание гербового сбора за разрешение вероучения, за метрические выписки и прочие справки;
- предоставить мусульманскому духовному управлению право на организацию собственной типографии для печатания религиозной литературы.

Все эти требования, как и вообще движение мусульманского духовенства в Башкирии, были расценены как «посягательство на завоевания Октября, направленное на поколебание пролетарской диктатуры». В Башкирии, где находилась резиденция ЦДУМ, было созвано партийное совещание по вопросам усиления мусульманского движения в республике. Оно приняло постановление прекратить уступки духовенству, приступить к сужению имеющихся у него прав. Совещание постановило регламентировать деятельность духовных управлений, особенно ЦДУМ. Съезды духовенства допускались не чаще одного раза в 3 года, причем совещание решительно высказалось против созыва всесоюзных съездов мусульманского духовенства. Повестка дня съездов духовенства строго ограничивалась лишь богословскими вопросами. Было решено заставить духовные

управления упразднить институт разъездных агитаторов, поскольку «таковых до революции не было». Ограничивался состав выборных приходских органов — мутаваллиатов, в них допускалось участие лишь трех лиц — муллы, муэдзина и одного выборного от верующих, при этом пребывание последнего в мутаваллиате приравнивалось к положению профессионального духовенства, то есть его касались все ограничения и все налоги на служителей культов.

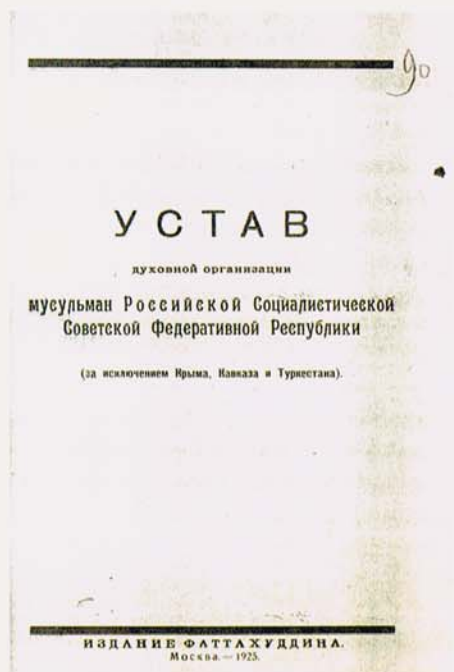
Издательская деятельность ЦДУМ в 20-е гг. XX столетия

После прекращения в 1918 г. издания журнала «Мухтариат» Центральное духовное управление мусульман длительное время не имело своего печатного органа. Кроме того, усилилась цензура всех религиозных изданий. С 1922 г. Духовное управление начало ходатайство перед Наркомнацем о возобновлении издания своего печатного органа. Обсуждение вопроса затягивалось, в ответ на обращение духовенства Наркомнац принял решение «созвать специальное совещание тюркских работников по вопросу о методах борьбы с мусульманским духовенством и раскола среди них».

Наконец, в 1924 г. ЦДУМ добилось издания своего печатного органа под названием «Журнал Ислам» («Ислам маджаллясы», с 1926 г. — «Ислам»). Его редактировал казый Кашшафуддин Тарджиманов, заместителем редактора стал В. Тарджиманов. Разрешение на издание журнала было утверждено Башглавлитом и Башотделом ГПУ 17 декабря 1924 г., тогда же вышел и первый номер журнала.

Созданное еще в декабре 1917 г. Башкирское духовное управление во главе с М. Гатауллиным также добилось разрешения на выпуск своего печатного органа — журнала «Дианат». Издание было санкционировано НКВД Башреспублики, лично Ш. Худайбердыным.

Журнал «Ислам» рассылался во все восточные республики и отчасти за границу, что усиливало к нему внимание со стороны партийных органов и ГПУ. Прежде чем дойти до читателя, он должен был пройти через ряд инстанций: Башглавлит, Башкирский отдел ОГПУ, ОГПУ в Москве, вновь Башкирский отдел ОГПУ и Башглавлит, затем только можно было отдавать в типографию. Литература на татарском и башкирском языках (на арабской графике) печаталась в Уфе только в одной типографии — «Октябрьский Натиск». Она имела малую пропускную способность, а пользовались

этой типографией и другие местные издательства, в том числе и издательство «Просвещение». Естественно, что выпуск религиозного журнала часто задерживался. ОГПУ требовало, чтобы к нему материалы журнала поступали вместе с переводами. Башглавлит, мотивируя тем, что его штат ограничен, задерживал отправку номеров журналов в Москву. К тому же Башглавлит пытался неоднократно поставить вопрос о сокращении тиража издания с разрешенных 7 000 до 4 000 и меньше.

Башглавлит брал на себя функции не только цензора, но и эксперта по национально-освободительному движению в мусульманских восточных странах. Так, в связи с решением ЦДУМ рассылать журнал в Индию и Турцию заведующий Башглавлитом А. В. Хабиби пишет в Главлит РСФСР: «...полагаем, что допускать этого не следует, ибо: 1) от их реформаторских идей мы особенно ничего не выиграем, так как развитие революционного движения на Востоке обусловлено экономическими и национальными мотивами и причинами, а религиозные мотивы играют второстепенную роль; 2) для агитации и пропаганды принципа свободы религий при Советской власти среди колониальных мусульманских народов через журнал «Ислам» (чем Мус. Ц. Д. У. часто козыряет) мы думаем использовать не журнал «Ислам», а отдельные воззвания Мус. ЦДУ к мусульманским народам по тем или иным вопросам при тех или иных соответствующих случаях, ибо побудить к этому их мы сможем и надеемся — такие случаи уже были» (действительно, ЦДУМ уже вынуждали выступать с соответствующими комментариями по вопросу о «Халифатском движении», «Британских империалистах на Востоке» и др., превращая его в рупор «свободных мусульман Советского Востока». — А. Ю.). Все это сильно затрудняло деятельность издательства ЦДУМ и выпуск его журнала. Тем не менее в 1925—1927 гг. ежегодно выходило по 6 номеров журнала. С 1927 г. периодичность издания нарушилась, все журналы были задержаны Башотделом ГПУ. Даже агитационно-пропагандистский отдел Башкирского обкома партии был вынужден обращаться к нему за журналами, о чем свидетельствует просьба заведующего АПО БОК к БООГПУ от 2 февраля 1927 г.: «АПО БОК просит прислать по одному экземпляру журналов «Ислам» и «Дианат». В будущем, если возможно, просьба все журналы, издаваемые БашЦДУ, присылать в АПО БОК. Зав. АПО БОК Уразаев». В 1928 г. вышли отдельные номера, затем издание журнала было прекращено. Выпуск журнала «Дианат» также прекращается в 1928 г.

Активность мусульманского духовенства в 1923–1927 гг., его интенсивная агитационная работа, поддержка со стороны населения заставили ЦК ВКП(б) и партийные органы на местах усилить антирелигиозную пропаганду.

В это время в целях контрагитации мусульман в Москве издавался журнал «Культура и религия» («Фэн эм дин»), но он, как утверждал заведующий агитпропотделом Башобкома ВКП(б) Ураззаев, «благодаря оторванности от центра духовного движения, негибкости и немассовости по содержанию удовлетворить запросы не может, и нет надежд, что «Фэн эм дин» сумеет привлечь лучшие силы национал-религиозников, ибо они все находятся в Уфе и частично в Казани, кроме того, руководить движением из Москвы труднее, чем на месте».

Участие муфтия Фахретдинова и членов ЦДУМ
в мекканском конгрессе 1926 г.

*Делегация СССР в Мекке,
1926 г.*

Летом 1926 г. в Мекке состоялся Первый Всемирный мусульманский конгресс. Двумя месяцами ранее, в апреле 1926 г. Англия, стремившаяся создать подконтрольный западным державам всемирный халифат под эгидой западных держав, организовала созыв аналогичного мероприятия в Каире. На нем не были представлены мусульмане Саудовской Аравии, Индии, СССР. Советский полпред в Саудовской Аравии Карим Хакимов сделал все возможное, чтобы на первый Всемирный конгресс мусульман в Мекку приехала делегация мусульман Советского Союза под руководством Ризы Фахретдинова. Муфтий из СССР даже провел несколько заседаний конгресса. Мекканский конгресс мусульман мира был признан всеми и оказал влияние на дальнейшие события.

Советское религиозное законодательство:
от свободы совести к воинствующему атеизму

1923–1927 гг. можно считать периодом временного равновесия сил, когда власти еще были вынуждены хотя бы внешне учитывать факт религиозности населения России. К 1928 г. это шаткое равновесие заканчивается и начинается широкомасштабное наступление на веру и верующих. Страна приступает к осуществлению грандиозных планов социалистического строительства. В области

внутренней политики все было нацелено на раскрестьянивание деревни и слом не только традиционного хозяйственного уклада, но и образа жизни, мышления, крестьянской религиозной идеологии. Последняя составляла серьезную конкуренцию насаждаемой новой вере — коммунизму.

Одним из звеньев проводимой политики была культурная революция. Ее задачи могли быть решены при условии наличия материально-технической базы, какой в стране просто не было. 17 сентября 1928 г. издается постановление ВЦИК о передаче культовых зданий культурно-просветительским учреждениям. Закон предусматривал либо добровольную передачу верующими культовых зданий, либо использование под культурно-просветительские учреждения «пустующих» церквей, монастырей и мечетей. О конфискации в законе не говорится. На деле же началась массовая кампания конфискации недвижимости у церкви, проводившаяся под видом добровольной передачи верующими культовых зданий под школы и клубы. Проведенная в 1923—1924 гг. опись церквей, мечетей, монастырей и других культовых зданий позволяет теперь безошибочно указать на наиболее подходящие для нужд культурной революции. В основу изъятия ложились протоколы общих собраний верующих с положительным решением вопроса о передаче мечети или церкви.

Передача культовых зданий культпросветучреждениям шла параллельно с арестами духовенства. Тысячи служителей религии были обвинены по статье 58 УК РСФСР и сосланы на Урал и в Сибирь.

Как правило, архивные дела о передаче культовых зданий в культпросвет сопровождаются жалобами верующих на произвол властей, на подмену общего собрания собранием актива сельсовета, на подтасовку решений собраний и др. Самое же печальное в этой кампании то, что лишь незначительная часть изъятых строений использовалась для нужд развития культуры и просвещения. Когда после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. наступила своеобразная атеистическая оттепель и верующим было позволено вновь открывать молитвенные дома, церкви и мечети, выяснилось, что львиная доля культовых зданий пришла в ветхость и негодность, так как построенные на века солидные каменные церкви, прочные здания мечетей чаще использовались как зернохранилища, склады, ремонтные мастерские, нежели как школы и клубы.

До 1929 г. советское законодательство не предусматривало явного вмешательства государства в дела церкви, юридически сохранялась иллюзия свободы совести и независимости церкви от

государства. Декрет об отделении церкви от государства был единственным (кроме конституционных статей) общегосударственным законом, составлявшим основу религиозной политики страны.

8 апреля 1929 г. было издано постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», дополненное инструкциями НКВД областей и республик. Само название закона означало отказ от принципа отделения церкви от государства. Юридически в силу декрета от 23 января 1918 г. государство не имело права издавать закон, регламентирующий деятельность религиозных обществ, это могло быть прерогативой самой церкви, или же прежний декрет должен был быть объявлен утратившим силу.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. предусматривало множество ограничений в отношении религиозных объединений. Им запрещалось: а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей, б) оказывать материальную поддержку своим членам, в) организовывать как специальные детские, юношеские, женские, молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельнические, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь.

О религиозных объединениях

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР (фрагменты)

8 апреля 1929 г.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР постановляют:

I.

1. Под действие декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 января 1918 года об отделении церкви от государства и школы от церкви («С. У.» 1918 г., № 18, ст. 263) подходят церкви, религиозные группы, толки, религиозные течения и прочие культовые объединения всех наименований.

2. Религиозные объединения верующих граждан всех культов регистрируются в виде религиозных обществ или групп верующих.

Каждый гражданин может быть членом только одного религиозно-культового объединения (общества или группы.)

3. Религиозное общество есть местное объединение верующих граждан, достигших 18-летнего возраста, одного и того же культа, вероисповедания, направления или толка в количестве не менее 20 лиц, объединившихся для совместного удовлетворения своих религиозных потребностей.

Верующим гражданам, которые в силу своей малочисленности не могут образовать религиозного общества, предоставляется право образовать группу верующих.

Религиозные общества и группа верующих не пользуются правом юридического лица.

4. Религиозное общество и группа верующих могут приступить к своей деятельности лишь после регистрации общества и группы в подлежащем административном отделе (отделении или части) местного исполнительного комитета или городского совета, волостном исполнительном комитете или городском совете города, не являющегося административным центром района или уезда.

<...>

12. Общие собрания религиозных обществ и групп верующих происходят с разрешения в сельских поселениях – волостного исполнительного комитета или районного административного отделения, а в городских поселениях – административного отдела.

13. Для непосредственного выполнения функций, связанных с управлением и пользованием культовым имуществом (ст. 11), а также в целях внешнего представительства религиозные объединения избирают из среды своих членов на общем собрании верующих открытым голосованием исполнительные органы: в религиозных обществах – в количестве трех человек, а в группе верующих – одного представителя.

14. Регистрирующим органам предоставляется право отвода из состава членов исполнительного органа религиозного общества или группы верующих отдельных лиц.

<...>

17. Религиозным объединениям воспрещается: а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; б) оказывать материальную поддержку своим членам; в) организовать как специальные детские, юношеские, женские, молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь.

В молитвенных зданиях и помещениях могут храниться только книги, необходимые для отправления данного культа.

18. Не допускается преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных и воспитательных заведениях. Такое преподавание может быть допущено исключительно на специальных богословских курсах, открываемых гражданами СССР с особого разрешения Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, а на территории автономных республик – с разрешения Центрального исполнительного комитета соответствующей автономной республики.

<...>

20. Религиозные общества и группы верующих могут организовывать местные, всероссийские и всесоюзные религиозные съезды и совещания на основании особых в каждом отдельном случае разрешений, получаемых от: а) Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, если созывается съезд всероссийский или всесоюзный на территории РСФСР или если съезд охватывает территорию двух и более краев, областей и губерний, и б) от соответствующего краевого, областного, губернского или окружного административного отдела, если съезд является местным.

Разрешение на созыв республиканских съездов и совещаний в автономных республиках выдается Народным комиссариатом внутренних дел или соответствующим ему Органом подлежащей автономной республики.

22. Религиозные съезды и избираемые ими исполнительные органы не имеют прав юридического лица и, кроме того, не могут: 1) устраивать какие бы то ни было центральные кассы для сбора добровольных пожертвований верующих; 2) устанавливать какие-либо принудительные сборы; 3) обладать культовым имуществом или получать его по договору, или приобретать таковое путем купли, или арендовать помещения для молитвенных собраний; 4) заключать какие бы то ни было договоры и сделки.

<...>

59. Религиозные шествия, а также совершение религиозных обрядов и церемоний под открытым небом допускаются с особого каждый раз разрешения, получаемого в городах, являющихся административными центрами не ниже районных, – от соответствующего административного отдела или отделения, в городах, не являющихся административными центрами, а также в рабочих и курортных поселках – от президиума городского или поселкового совета, а в сельских местностях – от административного отделения районного исполнительного комитета или от волостного исполнительного комитета. Ходатайства о выдаче таких разрешений подаются не менее чем за две недели до срока назначенной церемонии. Для религиозных слу-

жений, связанных с похоронами, вышеуказанных разрешений не требуется.

61. Учет религиозных обществ, а также групп верующих в пределах соответствующей территории производится органами, регистрирующими религиозные объединения (ст. 6).

62. Органы, регистрирующие религиозные объединения (ст. 6), сообщают цифровые сведения о них по формам и в сроки, устанавливаемые Народным комиссариатом внутренних дел РСФСР, в уездные и окружные административные отделы. Народные комиссариаты внутренних дел автономных республик и краевые, областные, губернские административные отделы, суммируя сведения, полученные от нижестоящих административных отделов, сообщают их в Народный комиссариат внутренних дел РСФСР.

63. Надзор за деятельностью религиозных объединений, а также за сохранностью передаваемого на основании договора в их пользование здания и имущества культа возлагается на регистрирующие органы, причем в сельских местностях этот надзор возлагается также и на сельские советы.

II.

Все фактически существующие на территории РСФСР ко дню издания настоящего постановления религиозные объединения обязаны в годичный срок зарегистрироваться по месту своего нахождения в порядке и органах, указанных в настоящем постановлении.

Религиозно-культовые объединения, не выполнившие требований предыдущей статьи, считаются закрытыми с последствиями, предусмотренными настоящим постановлением.

...

Председатель ВЦИК	М. Калинин
Зам. председателя СНК РСФСР	А. Смирнов
Зам. секретаря ВЦИК	А. Досов

Действующее законодательство о религиозных объединениях [Dini berekmələr turahında zakundar]. Уфа, 1930. С. 42–57 [Известия ЦИК и ВЦИК. № 96, 97 и 98 от 26, 27 и 28 апреля 1929 г.; С. У. 1929. № 35. Ст. 353].

ЦДУМ В УСЛОВИЯХ МАССОВОГО ЗАКРЫТИЯ МЕЧЕТЕЙ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУФТИЯ РИЗЫ ФАХРЕТДИНОВА ПО СОХРАНЕНИЮ МУСУЛЬМАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

В СССР начинается массовое колхозное строительство, и те социальные функции, которые выполняла в крестьянской среде религиозная община — регулятивная, коммуникативная, теперь должны были выполнять новые структуры, а именно — ячейки коммунистической партии и общественных организаций в колхозах.

Постановление ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г. было дополнено постановлением НКВД РСФСР «О регистрации религиозных объединений» № 329 от 1 октября 1929 г., согласно которому все религиозные объединения, не прошедшие перерегистрацию до 1 мая 1930 г., считались закрытыми. Порядок регистрации был определен Инструкцией № 328 НКВД «О правах и обязанностях религиозных объединений» от того же числа. Отчетность составлялась в соответствии с постановлением № 77 НКВД РСФСР от 6 декабря 1929 г., дело каждой общины включало в себя 12 документов. В Башкирии, где находилось Центральное духовное управление мусульман, действовало постановление НКВД БАССР от 25 декабря 1929 г., оно же распространялось и на ЦДУМ.

Значительная часть служителей культа к 1929 г. была репрессирована. Положение остальных религиозных деятелей было очень тяжелым, все они были обложены налогом на священнослужителей, хотя чаще всего и не имели собственных хозяйств. Например, Ногманов Мигран, исполняющий обязанности муллы в д. Янги-Аул Чишминского района, был обложен налогом на сумму 101 рубль. Ему было 65 лет, и на его иждивении находились жена 51 года и дети 6 и 8 лет. Кроме того, согласно справке Арслановского сельсовета Ногманов Мигран считался батраком и имел право голоса, то есть официально не являлся служителем культа, а просто исполнял службу. Таких мулл, служивших без специального разрешения, насчитывалось много, так как имамы, прошедшие регистрацию, были большей частью репрессированы. В результате одни общины были вынуждены прекратить свое существование как «не имеющие подходящего для богослужения помещения», другие — по причине отсутствия священнослужителя.

В результате претворения в жизнь новых законов и циркуляров большая часть мечетей РСФСР перестала функционировать. В Уфе были закрыты мечети второго, четвертого, шестого при-

ходов, в том числе и знаменитая Хакимовская мечеть на Бекетовской улице (ныне ул. Мустая Карима), а также Никольская и Успенская церкви, не прошла перерегистрацию уфимская старообрядческая община Белокриницкого согласия. К середине 30-х гг. в БАССР действовали 933 мечети, службу в них отправляли 648 мулл и 126 муэдзинов. Права и функции общин и верующих были значительно урезаны.

Не прошли перерегистрацию и были закрыты почти все мусульманские общества Уральской (Свердловской) области. Несмотря на просьбу более чем 700 членов Верхне-Исетской общины была закрыта мечеть в г. Свердловске. «По требованию населения» были закрыты мечети в д. Аракаево, Акбашево, Перебежки, Шокурово Михайловского района Свердловской области, 4 мечети в Бисертском районе, мечети в Златоусте, Миассе, Челябинске, Сарапуле, Ирбите. В массовом порядке закрывались мечети Татарстана, Поволжья, Сибири, Москвы, Ленинграда.

По всей стране шла кампания тотального закрытия церквей и мечетей «по инициативе» трудящихся. Постоянные комиссии по делам культов при президиумах облисполкомов и ЦИК республик не успевали рассматривать «ходатайства» верующих о закрытии культовых зданий. Так, комиссия при Президиуме БашЦИК за один день заседаний принимала решения о закрытии, как правило, 6–12 молитвенных зданий. Всего в ЦИА РБ находится около 1 000 дел о закрытии культовых зданий по всем районам Башкирии в указанный период, позволяющие рассмотреть деятельность культовой комиссии при Президиуме БЦИК. Материалы о закрытии мечетей представляют собой массовый однотипный источник. По каждому культовому зданию имелся стандартный перечень документов: справка о количестве прихожан, наличии священнослужителя, справка об открытии, техническом состоянии и страховой стоимости культового здания, список прихожан, протокол собрания прихожан с решением о закрытии культового здания, протокол собрания сельсовета, протокол заседания президиума райисполкома, сведения о принятии материалов комиссией по делам культов при Президиуме БашЦИК, решение комиссии. В «ударные» дни рассматривали материалы нескольких десятков религиозных приходов, и совершенно ясно, что в суть дела при этом никто и не пытался вникнуть. Например, протоколом № 75 за 1936 г. оформлены дела 71 религиозного прихода, а протоколом № 78 за 1937 г. — 30 религиозных приходов БАССР. Даже если не хватало необходимых до-

кументов, ходатайства утверждались и автоматически принималось решение о закрытии мечети или церкви.

Часто решение о закрытии мечети или церкви принималось с нарушением установленных правил, без достаточного материала. А на места отправлялись запросы на недостающие документы уже после принятия решения о закрытии мечети или церкви. Подобная практика не могла не вызвать поток жалоб верующих. При рассмотрении жалоб прокуратурой выяснялось, что чаще всего подтасовывались материалы первичных общих собраний взрослого населения деревень. Для принятия решения о судьбе культового здания необходимо было участие в собрании и волеизъявление взрослого населения не моложе 18 и желательно не старше 60 лет. К собранию составлялись списки всего совершеннолетнего населения, присутствующие на собрании должны были расписываться под принятым решением. Вопрос решался большинством голосов. Инициаторами таких собраний являлись сельские активисты — комсомольцы и коммунисты, члены союза «Воинствующий безбожник». Заранее подготовив решение, они игнорировали возражения верующих, их несогласие с закрытием культового здания, а при нехватке голосов «за» ходили по домам и собирали подписи, обычно запугивая колхозников. Иногда в список присутствующих на собрании включали всех школьников.

Закрытие культовых зданий сопровождалось репрессиями духовенства. Многие служители культа, арестованные в ходе кампании 1928–1931 гг. и вернувшиеся к своей прежней деятельности, вторично стали жертвами религиозной нетерпимости со стороны государства.

К началу Отечественной войны, таким образом, церковь и государство находились в состоянии крайнего противостояния. К этому времени на территории Башкирии продолжали официально функционировать 12 мусульманских приходов. Динамика обвального падения числа мусульманских приходов отражает мрачную картину торжества атеизма и идеологической нетерпимости большевизма ко всякому инакомыслию.

Бедственное положение, в котором оказался ислам к 1929 г., заставило муфтия Фахретдинова лично прибыть в Москву в Президиум ВЦИК с докладом о критическом положении дел в мусульманской религии, находящейся в стране на грани полного уничтожения.

Приведя неоспоримые доказательства насильственного разрушения мусульманских религиозных организаций, муфтий Фахретдинов просит Президиум ВЦИК отдать распоряжение о беспри-

*Муфтий
Ризаитдин Фахретдинов*

*Из исьменного доклада муфтия Ризы Фахретдинова
Председателю ВЦИК Михаилу Калинин*

1929 г.

<...> С момента установления советского порядка правления и с декретированием равенства всех граждан вне зависимости их расового происхождения и религиозных убеждений, как служители мусульманского культа, так и религиозные организации мусульман проявили и продолжают проявлять свою полнейшую лояльность по отношению к советской власти, но невзирая на это, по независящим от их воли обстоятельствам, все религиозные организации мусульман находятся накануне полнейшего разрушения и исчезновения с лица земли.

<...> Нижеследующие, вкратце излагаемые факты в своей совокупности послужили к доведению мусульманских религиозных организаций к тому состоянию, о котором было выше упомянуто:

1) Предоставленные, согласно существующих законоположений, по договорам в бессрочное и бесплатное пользование обществам верующих молитвенные здания – мечети, помимо и воли, и согласия их в многочисленных случаях были отобраны и использованы для других целей. Такое насильственное отобрание происходило или по постановлениям собраний без ведома [и] участия верующих, заключивших договор на данное здание, или в некоторых нередких случаях по постановлениям представителей власти и комсомольцев, а в некоторых случаях верующие, запуганные разными угрозами, при голосовании вопроса о мечети были вынуждены молчать и постановления выносились от их имени, как бы молчаливо согласившихся с таким постановлением.

<...> 2) Во многих местах служители мусульманского культа были облагаемы непосильными, не соответствующими их фактическим доходам налогами, неоднократно за один и тот же окладной период, как равно и заданиями на доставку хлеба, невыполнимость которых очевидна, и их имущество по неуплате налога и невыполнении хлебного задания за полнейшею невозможностью уплаты первого и выполнения второго было продаваемо с торгов или конфисковано под видом штрафа. Сами же лично, как противившиеся платежу налога и выполнению задания, арестованы или высланы из места жительства, жилища их отобраны, а семьи их безжалостно выброшены на улицу.

<...> 3) Мухтасибы, муллы и муэдзины, вне зависимости от размера их хозяйства, были раскулачены сами под разными предлогами или лишены свободы, или высланы, имущество их конфисковано, семейства выселены из домов и оставлены без всяких продуктов питания. ...Были случаи, что при тщетных поисках приюта дети, оставленные на улице, отмораживали себе

ноги. Такое издевательское, почти бесчеловеческое отношение к духовенству и их семьям в большей части имело место в Татарской и Башкирской республиках.

<...> 4) Во время сбора в Татарской и Башкирской республиках старого железного лома, тряпья, словом, утильсырья, во многих деревнях в виде этого утильсырья у мулл и рядовых верующих были отбираемы экземпляры священного Корана и книги вообще религиозного содержания.

<...> В результате вышеперечисленных стеснений и пристрастного отношения представителей местной власти, громадное большинство мусульманских приходов закрылось, служившие связующим звеном между ЦДУМ и отдельными приходами управления мухтасибов принуждены перестать функционировать. Из бывших в ведомстве ЦДУМ 4 мухтасибатов в Татарской республике пока уцелели 3, из 23 мухтасибатов в Башкирской республике существуют пока также 3, из 39 таких же мухтасибатов в областях и краях РСФСР функционируют 11. ...В итоге 87 % мухтасибатов закрылись, уцелели лишь 13 %. ...Все эти обстоятельства в своем целом рисуют печальную перспективу окончательного разрушения наших религиозных организаций и прекращения их существования.

страстном рассмотрении фактов закрытия и изъятия мечетей, об освобождении из мест заключения и возвращении из ссылки мусульманских служителей культа, о пересмотре дел сосланных в административном порядке во второй половине 1928 г. мухтасибов, имамов, муэдзинов, о том, чтобы не налагались налоги, фактически не соответствующие доходам служителей культа.

Муфтий не смог добиться встречи с М. И. Калининым. Его принял председатель Комиссии по культовым вопросам при Президиуме ВЦИК П. Г. Смидович. 9 мая 1930 г. он обратился к М. И. Калинин с докладной запиской, в которой говорилось о необходимости поддержать предложение муфтия Р. Фахретдинова. «Положение по мусульманскому культу хуже, чем по другим культам, — пишет П. Г. Смидович, — ... перегибы на религиозном фронте продолжаются. Я вношу проект циркуляра в Президиум ВЦИК, но без энергичных указаний со стороны ЦК на места по партийной линии дела не выправить. <...> Муфтий (старик лет 80), которого я принимал, передал устно как бы предсмертное завещание:

- 1) сохранить в целом архив, который накопился за 150 лет работы ЦДУМ и представляет историческую ценность;
- 2) библиотеку передать в Академию наук и

3) разрешить всему мусульманскому духовенству выехать за границу с предоставлением паспортных льгот».

Официально власти признавали, что допущены перегибы в проводимой религиозной, а точнее, антирелигиозной политике. Но суть отношений между религией и властью получила юридическое оформление, выразившееся в узаконении политики воинствующего атеизма. Волна его продолжала нарастать. В 1930 г. религиозное духовенство уже оказалось приравненным к лицам, враждебным советской власти.

*О борьбе с контрреволюционными элементами
в руководящих органах религиозных объединений*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦИК И СНК СССР

1 февраля 1930 г.

Предложить правительствам союзных республик немедленно поручить органам, производящим регистрацию религиозных объединений, рассмотреть состав руководящих органов этих объединений в целях исключения из них ... кулаков, лишенцев и иных враждебных советской власти лиц.

А. И. Рыков

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 457. Л. 31. Кат. 73. Подлинник.

*О снятии колоколов
для обеспечения народного хозяйства цветными металлами*

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СТО СССР

16 ноября 1930 г.

Изъять колокола со всех церквей в городах, где колокольный звон запрещен... В городах, где колокольный звон не запрещен, изъять колокола со всех церквей, оставив один небольшой колокол.

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 11а. Д. 37. Л. 12. Кат. 74. Заверенная копия.

В середине 30-х гг. в Центральное духовное управление мусульман внутренней России и Сибири входили муфтий Ризаитдин Фахретдинов, казыи Кашафутдин Тарджиманов, Мухлиса Бубинская

(Мухлиса Буби), Зияитдин (Парвазетдин) Камалитдинов (Зия Камали), Джахангир Абызгильдин, члены совета улемов Шараф Шагар Шарафутдинов, Хабибулла Ахтямов (Шарафутдинов и Абызгильдин уже отбыли ссылку и в 1932—1933 гг. вернулись в Уфу). Казыи ЦДУМ были известными просветителями джадидистами. Зия Камали был директором знаменитого медресе Галлия, Мухлиса Буби — единственная женщина-казый — занималась вопросами женского образования и семейного воспитания. Джахангир Абызгильдин был имам-хатыбом первой уфимской мечети и преподавал в медресе Усмания.

Мулла Джахангир Абызгильдин сочетал в себе верность исламу со стремлением к передовым знаниям. Он вел большую преподавательскую и просветительскую работу. Им была подготовлена книга «Хатабат уссулары», изданная в уфимском издательстве «Турмуш» в 1918 г., а затем вошедшая в учебник «Дин дареслере» (Казань, 1919, издательство «Умид»). Абызгильдин обучал шакирдов в медресе Усмания и девочек в женском медресе, где преподавала его жена Гайша Лутфулловна (Сулейманова).

*Гайша Абызгильдина
(Сулейманова) с ученицами,
1917 г.*

Увлекаясь астрономией, Абызгильдин устроил у себя дома телескоп, списался с известным французским астрономом Камилем Фламарионом (1842—1925) и, получив от него разрешение, перевел книгу Фламариона «По волнам бесконечности» с французского на татарский язык. Джахангир Талхович был убежденным сторонником реформ в исламе. Он считал, что женщины имеют право получать современное образование наравне с мужчинами, могут участвовать в политической жизни. Ему страстно хотелось понять суть происходящих в России политических событий, найти объяснение тому варварскому атеизму, который был возведен в ранг государственной религиозной политики, поэтому он познакомился с трудами К. Маркса, В. Ленина, за что его даже называли «неверным муллой». Всерьез задумываясь о необходимости модернизации ислама, Абызгильдин предлагал отказаться от некоторых, по его мнению, архаичных обрядов, в частности от жертвоприношения скотом. При этом он призывал к любви и защите всех животных, называя их меньшими братьями. Из этих соображений в его семье старались не есть мяса.

Джахангир Талхович и Гайша Лутфулловна воспитывали двух сыновей — Ибрагима, Акрама — и двух дочерей — Сару и Фариду. Девочки успели получить образование в школе своей матери. К моменту первого ареста Абызгильдина в 1928 г. старшему Ибрагиму было 19 лет, Саре — 17 лет, остальным детям еще меньше. Им пришлось доучиваться в специальном классе школы № 2 г. Уфы, где собрали детей «врагов народа».

*Джахангир и Гайша
Абызгильдины*

В 1928 г. решением Коллегии ОГПУ Абызгильдин был осужден и сослан в Нарым на 3 года. Отбыв ссылку, он вернулся в Уфу только в октябре 1932 г. К этому времени семье пришлось расстаться с собственным двухэтажным домом по ул. Тукаева, 42, который был конфискован за «недоимки по налогам» (по возвращении в Уфу Абызгильдин был принят на службу в ЦДУМ и переехал жить в здание управления по ул. Тукаевской, 50). Дочь Сара преподавала в д. Юлдыбаево Хайбуллинского района. Сын Акрам был тяжело болен, а Ибрагим тщетно старался поступить в вуз. В истории семьи Абызгильдиных, как мы видим, отражена судьба семей многих священнослужителей СССР как мусульманских, так и других конфессий, в том числе и христианских.

Начало 30-х гг. отмечено попытками мусульманского духовенства России выработать какую-либо единую тактику с тем, чтобы защитить веру от безумного фанатизма большевистской власти и сохранить оставшиеся религиозные учреждения. С этой целью религиозные деятели предпринимают поездки по России, знакомясь с положением дел на местах. Повсюду выясняется одна и та же безотрадная картина: служители репрессированы, мечети конфискованы, население запугано. В этих условиях Таврический муфтий Ибрагим Тарпи принимает неоднозначное решение. Он демонстративно закрывает духовное управление мусульман Крыма в Бахчисарае и публично объясняет причину своего поступка: духовные управления мусульман в СССР не имеют реальной возможности выполнять свои прямые обязанности, они служат для советской власти символом свободы совести в глазах мировой общественности, являясь прикрытием антирелигиозной политики большевиков. Единственный выход — закрыть все духовные управления. Но в Уфе продолжали действовать два мусульманских управления — центральное и республиканское. Оба они, а также духовенство Уфы и Башкирии отдали много сил сохранению веры и верующих, но не смогли противостоять государственной антирелигиозной политике и защитить приходы и мечети от воинствующего атеизма.